

Синяя глина небес

стихи

Андрей ПРАВДА

Синяя глина небес

семикнижье
победителей состязания поэтов
1995 года

1. Наталья Останина
«Любовь Внезапная»
2. Дмитрий Мурзин «Ангелопад»
3. Андрей Правда «Синяя глина небес»
 - А. Ялексей Петров
«Кардиограмматика»
 5. Анатолий Жестов
«Пустое множество»
 6. ЛюЗмила Тарасова — Чидилян
«Руки прикосновение»
 7. Марина Черноскутова
«Джинсовый монах»

Андрей Правда

Творческая Мастерская «А3»
Кемеровский государственный университет

В мае 1995 года Мастерская «А3» провела в стенах Кемеровского государственного университета второе состязание молодых поэтов города Кемерова. К этому времени Мастерская выпустила семикнижье победителей 1994 года, четверо из которых представляли Мастерскую.

По правилам, разработанным Мастерской, поэтическое состязание состоит из четырех туров. В первом туре участвуют все поэты, записавшиеся к началу состязания. Очередность выступления определяется жеребьевкой. Каждый выступающий читает по одному своему стихотворению. Голосуют зрители, участники и ведущие состязания. Каждый из голосующих может дать выступающему от 0 до 3 очков. Половина участников, набравшая наибольшее количество голосов, проходит во второй тур.

Во втором туре поэты читают по два своих стихотворения и право голосовать имеют только сами участники состязания. Семь поэтов, набравших наибольшее количество голосов, переходят в третий тур.

В третьем туре поэты читают по три своих стихотворения, и ведущие определяют четырех сильнейших.

Четвертый тур завершает состязание. Каждый из четырех сильнейших читает четыре своих стихотворения. Голосуют, как и в первом туре, все — и зрители, и участники, и ведущие.

Состязание 1995 года стало настоящим праздником поэтов круга Мастерской: из двадцати шести участников состязания при семидесяти зрителях семь первых мест заняли члены Мастерской: Наталья Останина, Дмитрий Мурзин, Андрей Правда, Алексей Петров, Анатолий Жестов, Людмила Тарасова-Чидилян, Марина Черноскутова.

*Руководитель творческой Мастерской «А3»
поэт
Александр Ибрагимов 3
мая 1997 года*

запах Весны

Эту синюю глину небес,
Этот постный и стопный замес
Ты пусти на изделие крынок
По воде, словно стаю кувшинок,
Ты пусти в винокурню, в шинок!
Отпусти хоть на Ближний Восток
Поклониться родне в Палестине
И вернуться в дерюге, в холстине
К медвежатине да к лососине,
К бочагу с сокрушительной синью
В задремавший в дремучести лес...
В эту синюю глину небес!

1994

Охрипший колокол сырого февраля
Сегодня был разбужен спозаранку
Пахучей синью свежего белья,
Весенним ветром в майке наизнанку...

Разбитый колокол плывёт на дно реки.
И тает снег, и солнце тоже тает...
И нет свободней и бедней руки,
Чем та, что белый лист латает!

В проталы чёрные засеяна трава,
А в строки чёрные — весна и просветленье.
И скудной жизни трудная глава
Содержит радости мгновенья!

1986

Сегодня снег не удержи́м!
Он одержим желаньем таять!
И мы не ходим, а витаем,
Вдыхая марта сладкий дым!

1987

У форточки

Едва-едва
Проталины
К стволам осин
Приталены.

Уж воздух,
Как вино в мехах,
Гуляет
В солнечных лесах.

И я,
Ангиною отравленный,
А всё туда же
Горлом сдавленным —
Пить синь
В сквозных березняках!..
Но только слёзы
На щеках.

1994

На плите горелым пахнет пища.
Спят в прихожке шубы да унты.
Но уже до одури сыты
Теснотой затхлого жилища.

Ну давай-давай же собираться!
Вон — почистить старое крыльцо!
Подышать, размяться, расстараться!
Посмеяться холоду в лицо!

Солнце в глаз... Да с голубятни свист...
В скобяном, что ль, звякают железки?!
Что-то тени необычно резки!
Воздух неожиданно душист...

Да! Пора уж выйти да пойти!
Что без толку пялиться в окошко?!
Иль хотя б... неубранные крошки
Со стола куда-нибудь смести.

1995

Запах весны

То ль торгуют
Здесь с колёс
Талым снегом
С Фудзиямы,
То ли ветер из Японии
Ветку сакуры
Принёс?
Подходи!
Коль стал богат.
На, попробуй!
Как он нежен —
В тонкой рисовой бумаге
Тёплый,
Белый аромат!

1995

На улице

Уж пахнет травкою, а мусоркой воняет.
Вгрызается с насадой дрель в панель.
Свистя в два пальца, голубей гоняет,
Задравши голову, апрель!

А там, над крышей, столько синевы,
Что даже голуби вдруг голову теряют!
Кошачьих глаз не замечают,
На землю падая уже без головы...

И ветер перышком уж горло мне щекочет,
Да метит всё под левое ребро!
Каков злодей! Прибрать, наверно, хочет?!
И вышел-то я — вынести ведро!

1995

Сейчас я зеркальце достану
И выгляну из-за угла!
Следи, как зайцы прыгать станут
В пыли оконного стекла!

Гляди: от нежности телячьей
У солнца слюнка потекла!
Аида! Примерь-ка пух цыплячий
Дитячьего пока тепла!

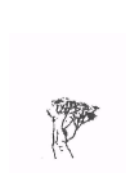
Иди — присядем, посудачим
О тайнах уличной стряпни!..
Попробуй хоть асфальт горячий
Проросшим семечком ступни!

1995

Пересекая небеса

Зацепившись за скворечники,
В талых веточках орешника
Небеса стоят нездешние,
Как, порой, глаза твои...
Птицы пешие мои!
Птицы спешные мои!
Окликай, откликайся,
Небеса пересекают,
С головою окунаясь,
Словно в воду,
В синий воздух
Набегающей струи...
Вот и ты роняешь спицы,
Вдруг увидев сквозь стекло:
Мимо пыльных окон птица,
Словно папочку с бумагой,
Под крылом несёт — тепло,
Небеса пересекая...
Вот и ты роняешь спицы,
Чтобы только изумиться
Тем, как весело зело,
Вешне, зелено, смело
Едут птицы всем селом,
Небеса пересекая!
Ах, наверно, из Китая —
Веера в руках порхают!
И от зори до зари
Из бумаги фонари
Теплятся, не потухая,
Небеса пересекая.

1995

Пусть яблонька, как карлица, убога,
Но и она готова расцвести...
И лепестки в разжавшейся горсти
Как будто вдох... Как будто выдох Бога!

Так что же я?! О, Господи, прости!
Но дай и мне листьями обрасти!
Дыханье мне открой! И вдохновеньем
Вели дышать и жить моим стихотвореньям!

Пусть солнца луч, упавший на ладонь,
Проникнет внутрь и попадёт под кожу,
А дальше... На огонь похожий,
Пусть к сердцу пробирается огонь!

1995

На краю сна

То блаженное море ли пело,
Или пела мне песенку мать,
То ли где-то пластинку заело —
Уж не вспомнить и не угадать...

Обитал ли там запах корицы,
Или там обреталась ваниль...
Но от крыльев полночной орлицы
Вдруг погас керосинный фитиль,

И сгустилась дремучая дрёма,
Улеглась в короба кутерьма,
И пошла сквозь дверные проёмы
Сурьянная бровастая тьма.

Плыли звёзды медуз, пелерины
Плавно, марлево — над — колыхать,
И как остров, как льдина, перинно,
Среди-мирно стояла кровать...

Ты ль, блаженное море, хотело
Уложить меня спать-укачать?
Но, к несчастью, пластинку заело,
И не пела, а плакала мать...

мягкожВойная память арчи

1994

Сколько ж лет растёт из полудрёмы
Немудрёный бабушкин буфет!
С запахом кульков из снов кулёмы,
С вазочкой засушенных конфет...

Он растёт от детских прозябаний,
От широких крашенных досок,
От запретных чайных желаний,
Где и время — сахарный песок...

Там, где ночь стучалась мотыльками
По стеклу, шуршащий сыпля звук,
Там, где шерсть тяжёлыми мотками
Падала из утомлённых рук...

Вот сейчас устанут спицы звякать,
В сон потянет, будто бы ко дну...
Знаешь... Знаешь, если стану плакать,
Я в слезах, наверно, утону!

1994

Мягкохвойная память архи...
Боже мой! Ты кричи — не кричи —
Не дотянешься ты, не достанешь
Эту синюю спину Тянь-Шаня
Через бурный порог Аларчи,
Даже если перекричишь
Горло рыжей арычной воды!
Хорошо, если есть за щекою
Две подушечки парварды,
Или мост подвесной над рекою,
И тогда на базар за нугою
Можно долго, качаясь, идти,
Облака задевая ногою
На воздушно-дощатом пути!
Если ж ты... — Не боишься арбы?!
Можно и без подзорной трубы
Рассмотреть поднебесные горы!
Был бы ослик и... Что разговоры!
Вон туда, где растёт курага
И фисташка свистит беззаботно,
Где персидские тают снега!..
Мы поедем с тобою! Охотно!

1994

Ну, наконец-то, голова
С похмелья думать позволяет...
И нас уже не окликает
Ни дым кизячный, ни трава.
Внизу, оставив гнёзда сёл,
По горной выбитой дороге
Легко переставляет ноги
Мой мудрый, вдумчивый осёл.
И вровень с грудью облака
Хлопковой пеною клубятся,
И солнце норовит забраться
В темницу узкого зрачка...
И ум смущается сознанием,
Что выше ничего уж нет —
Так нестерпимо ярок свет,
Так дерзко холода дыханье!
И я, в кулак зажав камчу,
Вцепившись в холку серой птицы,
Да так, что сердцу страшно биться,
Уже не еду — я лечу!
И, ткнувшись носом в перевал,
В его развалы снеговые,
Я чую гор живую выю
И чуткой пропасти провал!..

Приткнись китайскою касаткой
К сырой облупленной стене —
Базары людны по весне,
Но лишь тебя я ждал украдкой!

И там, где сладкий дым мангала,
Где кривоногий спит монгол,
Случайно ты мой взгляд поймала,
Как ловят яблоко — в подол...

Я в розовом цветку урючин
Изнанку губ твоих узнал...
А мимо и на перевал
Шёл караван, парчой навьючен.

Что там глазам твоим — сурьмы?
Губам ли нужно кошенили?
Или на платье золотой тесьмы,
Или ноздрям ванили?

— Эй, караванщик! Много ль, мало
Товара на твоих горбах?
Монеты? Чайники? Пиалы?
Иль что там — в этих коробах?

Он ничего не отвечал,
Лишь в такт ходьбе его качало,
И, словно терпкая алча,
Улыбка на устах гуляла...

...Чимган задвигался вдали...
Мой ножик сам из ножен выпал...
— Зачем ты жемчуга рассыпал
У нас, в нетронутой пыли.

Кумыс

Смотри, не отлежи бока,
Кобыльего с утра надравшись молока!
Мух перебить — и то, ведь, дело,
Плевать на зной, чтобы шипело!
Или на велике кататься
Между возвышенных акаций,
Его стегая, как коня,
Гремя железками, звеня,
До самой южной темноты,
Когда становятся кусты
Черней, могучей и страшнее,
А воздух чище и свежее.
Да так душист в ночи табак,
И розы ароматны так,
Что хлеб там мажут ароматом!
Легко поужинав салатом,
Ложатся спать на простыне,
На раскладушке, на спине,
Под виноградом средь двора
Под назиданье комара...

Полдень

В обед, натрескавшись арбуза,
Плюёмся косточками в зной...
Жара. Солома. Кукуруза...
Кузнечик скучный — заводной...

А утром прежняя жара
Напомнит, что уже пора
Продрать глаза и потянуться
К лохани иль, хотя бы, к блюдцу,
К столу, да просто к дастархану,
Где вам нальют кумыс, как хану!
И пить его, и пить с утра!
И пить, зажмурив крепко очи,
Опять же, до глубокой ночи,
Из белого и кислого ведра!

Вот здесь, под лёгоньким навесом
В едва означенной тени,
Жизнь развалилась дюжим весом,
Нам отпуская полудни.

Какие жалкие подачки!
А что осталось — забытьё?!
Иль коли я — паршивый дачник,
Так мне положено нытьё?!

Нет! Я найду себе заботу!
— Вот, по полудню, в солнцепёк,
Спешу к родимому болоту,
Пускаясь, словно наутёк!
Там плещет в камышах водица,
Напоминая океан.

И я, как нежною девицей,
Стихией водной обуян.

По горло в зелень погружаюсь,
Когда дыханье в перехват,
Горячей кожей касаясь
Живых холодных лягушат!

Керосиновая лампа

Там, где под пологом мускатным
Дрожала бочка дождевой воды,
Широколиственный, закатный
Последний луч прошил сады.

Но над гвоздиком шафранной
Мной в краже был он уличён
И, словно жулик балаганный,
Был в лампу на ночь заточён.

Уж он плевался! Он метался
И жирной копотью коптил!
Да по-базарному ругался!
Чего не делал? — Не светил!

А кто-то, впрямь смеясь над нами,
Из влажной, шамкающей тьмы
Советовал, шурша кустами,
Что б лампу погасили мы...

1996

дождя сырая чешуя

По пояс в августе замолкшие леса.
Вода в копытах с ржавчиной подков...
Трава по грудь... Сырые голоса... Да
оторопь продрогших облаков.

1986

28

Нынче странно, тонко, нежно К
сердцу тянется полынь... И лечу я
безнадежно В юнь, в июнь, в люблю,
в теплынь...

1988

29

Окрапивленный воздух лета
Разиюленных пустырей,
Я люблю тебя, пусть за это
Уж досталось мне волдырей!

Лишь с тобой я желаю знаться,
И, теряя остатки слов,
Лишь тобою, дыша, обжигаться
Нежным пламенем волосков...

Но чрез ревность и пытку сомненья
Я вернуть должен тело твоё
Тем стрижем, вопиющим в смятеньи
Над безмолвием пыльных репьев.

Только жизнь без тебя — что пустошь:
Лебеда, лопухи, дурман...
Перейду, коли ты отпустишь,
Руку спрятав в карман.

1995

Сладко-приторно-влажно-густое тепло,
Как астматик, насадно вдыхая,
Там, за клубом, шиповник цветёт тяжело,
Свой атлас бледно-розовый наземь роняя...

Меня тянет к нему — в этот омут болезни.
Своих глаз от него не могу отвести...
Только... Что я ему? Нет меня бесполезней!
Разве... — Рядом стоять и цвести?

1995

Пряный и прееет покос.
Дачи веранда. Дождь.
Пьяное сено волос...
Губ земляничная ложь...

Уж это не нужно, но каплет
Капля за каплей — слышь,
Как капля садится в каплю
С прогнивших, замшелых крыш?

И это... не нужно! Но деться
Некуда: дышит в лицо
Лето — готово раздеться,
Только шепни словцо.

1995

Дождь-искуситель нас заставил жаться
Друг к другу, и бросало в дрожь
Тебя, меня, пластмассовую брошь,
От близости такой успешную сломаться...

Кто виноват, что вдруг разверзлась хлябь?
От капель всюду дробь, от капель всюду рябь!
Мы под карнизом, голуби на нём,
Словно в ковчеге, под дождём плывём.

О, боже мой! Но только ты не злись
И ножкою точёною не топай!
Спасёмся ль мы от этого потопа...
Но от меня тебе уж не спастись!

1995

Дождь шёл наощупь, как слепой,
На разные предметы натываясь,
И с каждым ненароком лобызаясь,
И вдруг столкнулся он с тобой...

И стал он, как алмазный дым,
И светом ярким озарился...
Шар солнца яблоком глазным
От изумленья прослезился!

Вот так и я порой меняюсь.
И всё ж, когда столкнусь с тобой,
Не радугою тёплой осеняюсь —
Я обжигаюсь вольтовой дугой!

1995

Персидский месяц остролукий!
Его достать мне не с руки —
Того гляди, пораню руки
Разбитым зеркалом реки!

Как в тьму колодезного сруба,
Он опускается на дно,
Кривя улыбкой тонкогубо,
Ложится в ил, как под сукно...

Лишь изредка, но так бывает —
Муть разойдётся в небесах,
И узкий месяц засверкает
У ночи в мокрых волосах!

1995

Хвост волос твоих
Хлеще хлыстов пастушьих!
Я притих:
Корова — душа!
Как же она послушна!

1983

Солнце вылезло — нагло-лучисто,
Только зенки и жмурь!
А лона табачные так запашисто
Точат свою сладкую дурь!

Как кому, только клумбы хватило
На такого, как я, дурака,
Чтобы сердце, забившись, заньло
От душистого табака!

1995

Утром

Всю ночь шуршала о палатку
Дождя сырая чешуя...
Кто знает — у костра вприсядку
Сколь спичек зря потрачу я?
Округа впрямь и вкось мокра вся...
И лишь отчаяньем гоним,
Через подлесок продирался
Усатый слюногубый дым.
Он пёрся, нюни распуская,
Сквозь каплеокие кусты,
И весть о нас разнёс, я знаю —
Не за две, а за три версты!
Не он ли тащится за стадом
С бичом в пастушеской руке,
Нюхнуть давая стаду чада
От юшки в нашем котелке?!
А, может быть, в рыбацких броднях,
В брезентовом дождевичке
Крестьянку местную на сходнях
Он тискает, тесня к реке?
Или в колхозные амбары
Полез, где словно битюги,
После вчерашнего угара
Кудлато дрыхнут мужики?..

Смотри — беды б не обобратся —
Ведь нужен глаз да глаз за ним!
А вот мои глаза слезятся...
И делает, что хочет, дым!

1995

Георгины

сень осени

День вошёл дождевым великаном
Прямо в город, смурной и незваный,
И оставил на белом тумане
Георгинов кровавые раны...

1987

И кажется, что где-то в вышине
С большой сосны сорвалась шишка...
Она летит... Давно... И это слышно
Мурашкам, побежавшим по спине...

1987

42

Каким-то увальнем встречаю эту осень!
Ни звука отзвука! И повернуться лень...
Кругом лесов божественная сень...
И только я... Я сам себе несносен!

7557

43

Календула

Ну зачем ломать тоски сургуч?
Нынче письма пишутся осенними дождями...
Дальняя дорога между нами
Да гряда больных простудой туч.

1986

Объята колбою и посреди стола,
Со всех сторон окружена шкафами,
К исходу августа календула цвела,
Полуприкрыв глаза и шевеля губами...

Календула цвела, роняя семена
Рукой нагруженной, высохшей, потухшей,
Под линзою полуденного сна,
Стыдясь морщин и вен своих набухших...

Но время движется, и вот с календаря,
Свалив, снимают и уносят "восемь"...
И воцаряется, лишь горький дым дая,
До греческих календ растянутая осень...

1995

Ноябрь стал первыми снегами,
Как яблоками поздними, душист!
Но кто-то, зябнувший, губами
Из флейты вынул тонкий свист.

За ветхой старенькой калиткой
Над нежной корочкой ледка
Отлогий звук протянут ниткой
В даль талую из тальника.

Как из овечьей шёрстки вьётся
Музыка, что едва слышна,
Но только тронь — и разорвётся
Пехотной миной тишина...

1995

Ах, как гортань похолодела!
Он пахнет мятою — вдруг выпавший снежок,
Скрипучей белизною молодого мела,
Зубной напоминая порошок...

Труси лошадкою — хвороба!
Почуяв снег, порви уздцы!
А ну, как в детстве, ртом попробуй,
Как ломит талые резцы.

Не лёд науки оголтелой,
Нет, не гранит оледенелый,
Как буква, дутого... как шарик, букваря,

А очень, очень, очень белый
Снежок в заимке октября...
Снежок, короче говоря.

1995

Мы околели бы к весне
В оцепенении наркозном,
Под гнётом меховым, морозным...
И это точно, если б не...

Не медь трясущейся копейки,
А чудом не опавший лист...
Не свист желтушной канарейки —
Полозьев стелющийся свист!

И от минора до мажора
Срипучих стульев торжество —
Не тонкость уха дирижера,
Но просто розовость его!

1994

По кальке льда конька лекало
Да ножниц щёлкающий звук...
Зима не покладая рук
Кроила, шила, припускала.

Неделю снега канитель —
И всё вокруг переменяла,
И наши головы вскружила
Предновогодняя метель...

Когда ж ты выберешь фасон,
Ворча и морщаь от булавок?
А тут не обойтись без вставок...
И всё же — шелк или виссон?..

Но вот, одетая с иголки,
Смущённо радуясь, душа,
И
ты, оборками шурша,
Стоишь у новогодней ёлки!

И тот, с портрета — твой Фурье,
И он заморожен — не дышит!
Так... Что ещё тебе предпишет
Твой итальянский кутюрье?!

7994

Ах, тополь, тополь, как мне жаль!
Задумал ты рыбалить сетью,
Засим уснул, а кто ответит:
В сетях-то что — форель или февраль?

Так что в сетях — форель или февраль?
Иль блик луны зеленоглазой?
Морского неба зелень, соль и даль?
Еловых звёзд колочки и проказы?

И что шуршит в тревожной вышине?
Верхушка ль хрупкая сломалась,
Иль рыба снежная попалась
И тает в тишине?

1995

Посреди февральской смуты
Над моею головой
Солнце вылупилось, будто
Из скорлупки снеговой.

И айда куда попало —
Метит в окна, целит в глаз —
Всё мусалом по сусалу
Огорошивает нас!

Да сусальный лёд сосулек
Суся, словно леденец,
Пусть не так, не как в июле,
Но пригрело наконец!

И запахло тёплым хлебом,
Прелью лавки овощной...
И пахнуло рыбным небом
От промоины речной.

1996

Рэгтайм

У пустоты томительной в объятьях
Тебя мне посчастливилось найти,
Но каждый куст напоминал распятыё,
И ты шептала мне: "Пусти!"

Клаксон ролс-ройса, спином пахнет лень...
Тахинная халва и аромат бензина... 1994
Английских лис и мех, и спесь, и
хина...
Балтийской пены бледная сирень...
Труба и море... Моцарт табунами...
Австрийские снега... Швейцарские часы..
В Европе холодно, и музыка не с нами —
Ла Скала скалится, очерившись в усы.
А Папа спит и видит милый Краков —
Венеция идёт тихонечко ко дну.
От Сены пьяные клошары тащат раков.
Монмартр жуёт монмартрскую блесну.
А в магазине снова свежи розы,
И любит Брейгеля отходчивый мороз.
Мадридский бык страдает от занозы,
Не ведая, что есть ещё хондроз.

... прохожие и фонари
Неспешно двигались по кругу.
И ты по кругу шла упруго...
Ах, нет — стояла у двери!
По кругу двинулся засов,
Сорвались голуби с карнизов.
И, словно принимая вызов,
Ты мне ответила на зов!
Нас потянуло вглубь, во мглу —
Воронка вечера кружилась!
И синим пламенем струилась
Киноафиша на углу...

Ты вырвалась, забыв поправить платье,
Вновь встречным улыбаясь на пути,
Но тонкого и нежного проклятья
Я так и не сумел произнести!

1995

Прости мне хамское господство...
Прости забвение могил...
Прости, Господь, Твоё сиротство
В слепом блуждании светил!

Да, я вот здесь хожу кругами
Греха, мучения и нужд...
И я искал спасенье в храме,
Но он мне показался чужд...

И это так непоправимо!
Нелеп напрасный мой поклон...
И Ты глядишь неумолимо
С покрытых ризами икон...

Да, я не более, чем пламя
Церковной восковой свечи!
И всё же — шевельни губами...
Хотя б прощенье прошепчи!

1995

Прижмётся!
К жаркой перьевой подушке
Ушною раковиной,
Словно бы
Ракушкой,
Что прижимают к уху,
Чтоб услышать,
Как некогда
Невиданное море
Ласкало языком прибоя
Сухой обветренный песок...
Но слышно лишь,
Как где-то под несущкой,
Наседкой ставшей,
Уж давно цыплята
Живут под тёплого яичной
скорлупой...
И слышно — как!
Стучится птичье сердце,
Волнуемо
Предчувствием полёта,
Который, может быть,
Не состоится...

И всё-таки!
Таинственные звуки
Идут из темноты,
Расставив руки,
На звук, на свет,
На воздух, наконец!
И тонкая воздушная прослойка
Меж кожицей
Да известковой стенкой
Даёт им представление
О вечном,
Качаемом солёными ветрами,
Пронизанном отвесным жёлтым солнцем,
Воздушном
Синеоком
Океане!

1995

58

Столярка

С просохшей глоткой и в клею столярном,
В занозистой щетине — в колкой, рыжей,
Как будто бы расхристанное солнце,
Что дышит, обдавая скипидаром,
Как будто самогонным перегаром...
Давно пора ему отвесть цикли!
Иль пусть гудит трубою от органа
Капризный и чувствительный фуганок.
Пусть вдруг запахнет дубом, грабом, ёлкой
И ниткою суровою льняною,
Янтарной смолкой, паклей, дёгтем...
Ах, всё же! В стружке озорной и златокудрой
Такая радость — встретить древесины
Обветренное крепкое лицо,
Простое, как натруженное небо,
Заблудшее в строительных лесах!

И вот, с карандашом за правым ухом,
С клочком оторванным разглаженной бумаги
Мы будем говорить о самом важном,
О главном нашем общем деле,
И только лишь на слух определять
Волокон древесных ход и направленья...

Разняв пеньковые объятья верфи,
Как знать — со стапеля ладони
И ты, мой замысел, когда-нибудь качнёшься
Воздушным судном или
поцелуем!

59

Призвание

Было жарко — июлю под стать.
Огород, сомлевая от зноя,
Был снедаем лишь жаждой стяжать
Стёжку узкую к водопою.
Но, как будто стыдясь за мозоли
И комочки присохшей земли,
По межрядьям вразброд побрели
Фортепьянные пальцы фасоли,
Комли яблонь пустить не решаясь,
Тычась всё наобум, наугад
И ещё не вполне понимая,
Что искать среди неполитых гряд,
Но ведомы едино нашёем,
Осязанием, нюхом, чутьём
Вслед за звуком, как будто за нитью,
В борозду за скрипичным ключом,
Дабы струны, поющие льдисто
Из ручья полной горстью черпать,
Чтоб под музыку Ференца Листа
Всей листвою лицо подставлять!

Дай Господь им, не видя ухмылки
Всех охочих роток разевать,
В заскоружных руках удержать
Непослушные клавиш обмылки!

1996

Вечерний чай

А сумраком дыша и сумерки глотая,
Я вечер пью, как чашку чая,
Язык закатом обжигая.
Чаинки чаек прочь летят,
Но лишь возвращаются по кругу,
И, возвращаясь крюком к югу,
На дно стакана сесть хотят —
На дно воздушного стакана,
На край потухшего вулкана,
В зрачок индийского циклона,
На берег острова Цейлона,
На склон ночного небосклона.
И если есть у ночи дно,
На дно ночное — под сукно.
На дно глазное — под окно,
Где будут их рукой ловить,
Где будут их с руки кормить,
Ласкать и гладить, и любить,
Да по ланкайски говорить!

7555

Содержание

«Эту синюю глину небес»	4
запах весны	
«Охрипший колокол сырого февраля»	6
«Сегодня снег не удержи́м»	7
«Едва-едва»	8
У форточки	9
Запах весны	10
На улице	11
«Сейчас я зеркальце достану»	12
Пересекая небеса	13
«Пусть яблонька, как карлица, убога»	15
мягкохвойная память арчи	
На краю сна	17
«Сколько ж лет растёт из полудрёмы»	18
«Мягкохвойная память арчи»	19
«Ну наконец-то, голова»	20
«Приткнись китайскою касаткой»	21
Кумыс	23
Полдень	25
Керосиновая лампа	26
дождя сырая чешуя	
«По пояс в августе замолкшие леса»	28
«Нынче странно , тонко, нежно»	29
« Окрапленный воздух лета»	30
«Сладко-приторно-влажно-густое тепло»	31

«Пряный и прет покос»	32
«Дождь-искуситель нас заставил жаться»	33
«Дождь шёл наощупь, как слепой»	34
«Персидский месяц остролукий»	35
«Хвост волос твоих»	36
«Солнце вылезло — нагло-луч него»	37
Утром	38
сень осени	
Георгины	41
«И кажется, что где-то в вышине »	42
«Каким-то увальнем встречаю эту осень»	43
«Ну зачем ломать тоски сургуч»	44
Календула	45
«Ноябрь стал первыми снегами»	46
«Ах, как гортань похолодела»	47
«Мы околели бы к весне»	48
«По кальке льда конька лекало»	49
«Ах, тополь, тополь, как мне жаль»	50
«Посреди февральской смуги»	51
к слову	
«Простые у молитв слова»	53
«Клаксон ролс-ройса, сплином пахнет лён»	54
Рэгтайм	55
«Прости мне хамское господство»	56
«Прижмёмся!»	57
Столярка	59
Призван ие	60
Вечерний чай	61

Андрей Правда
Синяя глина небес

семикнижье-95 Литературно

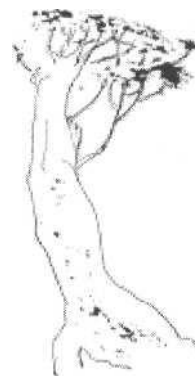
- художестве иное издание

Главный редактор — Александр Ибрагимов
Исполнительный редактор — Наталья Мурзина
Верстка — Сергей Скобликов
Фото — Сергей Илышцкий
Корректурa — Зуевич С.Г.
Набор — Дмитрий Мурзиы, Наталья Мурзина

Союз творческой молодежи "АЗиЯ"
Кемерово 1999

ISBN 5-202-01643-3 Типогр. Изд-ва "Кузбассиуиздат", 1999 г. Заказ № 51

*Книга издана при поддержке
благотворительного фонда А. Тулеева
«Возрождение»*

*Художник Ольга
Помыткина*